

MODERN PROSE

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ
АЛЁНЫ ЖУКОВОЙ:**

К ЧЕМУ СНИЛИСЬ ЯБЛОКИ МАРИНЕ
ДУЭТ ДЛЯ ОДИНОЧЕСТВА
ТАЙНЫЙ ЗНАК
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ
СТРАШНАЯ МАША
ВСЁ, ЧТО ПОМНЮ

АЛЁНА ЖУКОВА

ВСЁ, ЧТО ПОМНЮ

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2022

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Ж86

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберium»

Миссия «Флобериаума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Жукова, А.

Ж86 Всё, что помню / А. Жукова. — М.: Флобериаум / RUGRAM,
2022. — 302 с. — (Modern Prose).

ISBN 978-5-521-90906-3

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) (ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН) ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ УЛИЦКОЙ ЛЮДМИЛОЙ ЕВГЕНЬЕВНОЙ, ЛИБО
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
УЛИЦКОЙ ЛЮДМИЛОЙ ЕВГЕНЬЕВНОЙ.

«Всё, что помню» — солнечная одесская проза, в которой соединяются дневниковая исповедальность, воспоминания об известных людях (В.Тодоровском, А.Журбине, Ю.Ковале, Л.Улицкой, В.Цое, Г.Сукачеве, М.Жванецком, М.Задорнове и др.) и художественный вымысел.

«Книжку с таким названием мог бы написать каждый человек. Мне даже кажется, что каждый человек должен проделать такую работу рассмотрения своей жизни. Это не столько полезно, сколько необходимо: заглянуть в свое детство, пройти по пути взросления и рассмотреть свою жизнь повзрослевшими глазами, сделать открытия о своих близких и самом себе. Алена Жукова показала, как это делается. И сделала это с искренностью, бесстрашием и мужественной честностью».

Людмила Улицкая

BIC FA
BISAC FIC000000

© О. Жукова, текст, 2022
© А. Николаенко, иллюстрации, 2022
© А. Кудрявцев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Флобериаум», 2022
© RUGRAM, 2022

ISBN 978-5-521-90906-3

Глава 1

ДЕТСТВО

Эта книга — соединение жизни и вымысла, памяти и фантазии — своеобразная писательская кухня, куда приглашается читатель. Возможно, кому-то покажется интересным проследить, как из обыденного рождается образ, а из обрывочных воспоминаний — рассказ или целый роман.

Обложку и иллюстрации сделала художник и писатель, лауреат «Русского Букера» Саша Николаенко.

Дырявая тень акации на заборе, цинковое ведро с водой, полное солнечных зайчиков. Они яркие до невозможности. Я, сощурившись, опускаю в ведро руки по локоть. Голубой сарафан намокает на животе и темнеет, становясь синим, как вода в корыте, где вздуваются пузырями замоченные простыни — они похожи на облака. Бабушка полощет в синьке белье. Я кручусь у нее под ногами. На моих щеках, руках и ногах струпья оспы, замазанные зеленкой. В детский сад нельзя. Мне почти четыре...

Это не первое воспоминание о себе — первое случится за месяц до этого. В нем будет стыд, поэтому сознание его отвергает и выталкивает: соседи выбегают из квартир, они кричат странное слово: «Гагар-р-рин!», а дворник, хохоча, подкидывает меня высоко, очень высоко — и я от страха описываюсь. До сих пор пугаюсь орущих людей и ненавижу аттракционы со взлетами и падениями.

Что помню из дошкольного детства? Оказывается, многое. Эти воспоминания обрывочны и напоминают нечеткие картинки в дрожащем луче диафильма. В них всегда заключено сопереживание чему-то. Я расту ранимой и отзывчивой.

Первые сильные эмоции — стыд и страх — не лучшая комбинация для путешествия по жизни. Но не все так плохо. Воспоминание о бабушкиной стирке — ключик, открывающий дверь сказочных фантазий, —

то, чему буду предаваться по жизни с упоением: театр солнца и теней на деревянном заборе; дивные существа, притаившиеся за изгородью палисадника; вздувшиеся простыни облаков в синьке неба, мокрые по локоть руки, плещущиеся в цинковом корыте...

Часто слышу от бабушки: «Проснись! Ты меня слышишь?» А я не слышу — проваливаюсь, как Алиса, о которой еще не знаю, в кроличью нору вымысла, как только открываю книгу с картинками: прыгаю с тремя поросятами, убегая от Тараканища, спасаю бегемота и хожу в Африку гулять. А гулять по-настоящему пока неинтересно — я меньше всех во дворе. В игры меня не берут. У девочек — классики и скакалки, у мальчиков — казаки-разбойники. Я сижу на корточках в песочнице в одиночестве и рою глубокую яму. Пробегает второклассник Павлик и плюет туда, а Танька-пятиклассница насккивает на него, и они весело толкаются. Тогда я и слышу впервые обидное прозвище: Крыска. Они называют меня крысенком. Но почему? Я разве похожа? Мама зовет меня Олей, бабушка — Аленкой, дедушка — Лешкой, а дядя и двоюродный брат — Лепочкой. Почему Крыска? Слезы, бегство домой, зеркало, в котором отражается очень худая девочка с длинными носом и шеей, с тонкой косичкой, похожей на крысиный хвостик. Хватаю ножницы и отрезаю косичку. Лучше бы я родилась мальчиком! Вот эта мысль-отчаяние заставит подрисовывать себе усы на фотографиях, а фильм «Гусарская баллада» породит мечту про войну, которая превратит меня в мужчину. Впоследствии детский сад и школа жестко определяют мою гендерную принадлежность обязательными бантами в полголовы, плиссированными юбочками и окриками: «Ты же девочка! Как можно так себя вести?» Это значит, мальчикам можно плевать через трубочку, лазать по деревьям и драться, а тебе

остается роль паиньки, которая должна никого не огорчать, быть послушной и чистенькой. Нечестно! Быть паинькой не получается, но зато учусь притворяться и хитрить, чтобы не быть наказанной. Одна история должна была стать звоночком для семьи...

Дело было так: меня нарядили в новенькое пальто, которое предназначалось для выхода на первомайскую демонстрацию. Приказали гулять осторожно — не заходить в песочницу, не садиться на мокрые скамейки, ждать на улице семью, которая должна была выйти с плакатом, шариками и цветами. Папы у меня не было, хоть я и «его копия», как говорила соседка тетя Белла, но про него запрещалось спрашивать и говорить. Несколько минут я простояла столбиком посреди двора, но потом появился дворовый кот Барсик. Это нежное имя ему совсем не шло. Барсик был бандитом и потерял в кошачьих боях глаз и половину уха. Кот обошел меня вокруг и потерся о коленки. Я присела на корточки, захотела его обнять, но он выскользнул из рук. Не сумев удержать равновесия, села попой в грязь. На подоле пальтишка вишневого цвета расплылись черные круги. То, что последует за этим, я знала — крики, наказание в виде стояния в углу и запрета выходить во двор. Особенно неприятно первое: когда кричат, я всегда кричу в ответ, и становится до того плохо, что начинает трястись подбородок.

Решение приняла простое — надо отмыть пальто до того, как заметят пятна. Дверь в квартиру никогда днем не закрывалась (удивительные были времена!), и я незаметно проскользнула в ванную. Тихонечко набрала в умывальник воды и начала отстирывать грязь. В результате она растеклась по рукавам и подкладке. В это время нарядное семейство, несущее над головой ветки бумажной цветущей вишни и красные

флаги, выдвинулось во двор, но не обнаружило в нем ребенка. Никто не догадался, что я сижу в ванной и, обливаясь слезами, изо всех пятилетних сил пытаюсь отстирать въевшуюся намертво грязь. Стирка продолжалась до вечера, и до вечера меня искали по всем ближайшим дворам, подъездам, квартирам. К поискам привлекли участкового и всех дворовых ребят. На демонстрацию никто не пошел. Рыдающие мама и бабушка вернулись домой, а мужчины продолжали поиск. Мама зашла в ванную, чтобы сполоснуть заплаканное лицо, и обнаружила меня. Ее крик меня поразил. Тогда я могла его сравнить с тем, как кричала она однажды, обварившись кипятком. Вместо того чтобы задуматься, почему я так поступила, мне хорошенько всыпали. Но на них я не обиделась: во всем виноват был Барсик.

Родилась я в семье, городе и доме, которые навсегда связали меня с кино. Наш двухэтажный дом был построен в 1929 году для работников Одесской кинофабрики. Интересно, что обкомовские шишки в семидесятых годах достроили третий этаж с несколькими элитными квартирами. А кто же откажется от такого места? Сама кинофабрика со знаменитыми каменными львами у ворот находилась в ста метрах — достаточно перебежать дорожку, а если чуть пройти по бульвару, то можно свернуть в Кирпичный переулок и спуститься к морю.

К нашему дому примыкал двухэтажный особняк с колоннами — гостиница под странным названием «Куряж», которая тоже предназначалась для деятелей кино. Позже в этом большом дворе появилось два новых дома для работников кино и театра. О том, что это необычный двор, можно было догадаться по детям, его населявшим. Сопливый и пристающий Валерка, сын Пети и Миры Тодоровских. Он вечно бегал за нами и кидался камнями. Один раз камень угодил мне прямо в бровь. Сантиметр ниже — осталась бы без глаза. Через